

*Пономарев Николай Филиппович, кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПАНДЕМИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Аннотация: В статье выявляются и анализируются качества эпидемической психологии, которые влияют на содержание пандемического нарратива как продукта культуры страха.

Ключевые слова: эпидемическая психология, пандемический нарратив, нарратив о вспышке, эпидемия морализации, фольклорные дьяволы, культура страха, геймификация.

Abstract: The article identifies and analyzes the qualities of epidemic psychology that affect the content of a pandemic narrative as a product of a culture of fear.

Keywords: epidemic psychology, pandemic narrative, outbreak narrative, folk devils, culture of fear, gamification.

Масштабная вспышка новой эпидемии может повлечь за собой массовую панику, агрессивную стигматизацию и обострение ценностных противоречий вплоть до медицинской информационной войны: «Общества затянуты в чрезвычайный эмоциональный водоворот, который как минимум некоторое время никем не контролируется. Это странное состояние представляет собой реальную или потенциальную прямую угрозу общественному порядку и, соответственно, серьезно влияет на интенсивность, продолжительность и формы социальной и политической реакции на эпидемию во многих других [кроме медицинской] областях [жизнедеятельности]» [7, с. 249]).

Массовые социально-психологические эффекты эпидемий описаны в концепции *эпидемической психологии* (англ. epidemic psychology [7]), согласно которой новые инфекционные заболевания порождают в социуме панические настроения не столько из-за экстремальных клинических проявлений, сколько из-за сконструированных *социальных представлений* [12]: «Любое общество, охваченное эпидемической психологией, может одновременно переживать волны индивидуальной и коллективной паники, вспышки каузальной интерпретаций болезни, чесотку моральных разногласий и чуму конкурирующих стратегий контроля, которые нацелены либо на сдерживание либо самой болезни, либо последующих эпидемий страха и социального распада» [7, с. 251]).

Эпидемическая психология состоит из трех потоков.

Во-первых, *эпидемия страха и подозрительности*, которая подогревает панические настроения. Во-вторых, *эпидемия морализации* как стигматизация носителей болезни, которая подталкивает к избеганию, сегрегации и преследованию вплоть охоты на ведьм и погромов. В-третьих, *эпидемия действия* как вынужденный и мучительный отказ от повседневных привычек.

Все три потока сопровождаются осуждением *фольклорных дьяволов* (англ. folk devils [2]): «Поиск виноватых – часть процесса осмысления любой катастрофы» [1]). Это назначение общепризнанного *обвиняемого* (figure of blame) в происхождении или распространении придает эпидемии смысл и одновременно снимает ответственность с субъектов, которые либо не принимают должные решения (напр., власти), либо не желают менять свое поведение (напр., *антиваксеры*). Роли ЗЛОДЕЕВ в медиаспектакле ЭПИДЕМИЯ достаются уже *стигматизированным* социальным группам, для обвинения которых *в чем угодно* существуют уже готовые дискурсы и нарративы [6].

Вспышка эпидемии *идеально* соответствует параметрам события-триггера, поэтому провоцирует *медиахайп* [9], быстро вовлекая в обсуждение акторов и медиа-агентов с противоречивыми оценками и двусмысленными

прогнозами. При неизбежном дефиците оперативной *проверенной* информации и отсутствии социально-медицинской статистики эксперты, политики и журналисты неумеренно драматизируют *эпидемический нарратив* и пробуждает дремлющие *общественные страхи (скрытый дискурс в соцсетях* [1]).

Нарратив о вспышке (англ. outbreak narrative [11]), в котором действуют злобный антропоморфный вирус (1), героический медицинский персонал (2), угрожающие демократии власти (3), доблестные медики-детективы (4), разыскиваемый *нулевой пациент* (5), перепуганное и безрассудное население (6) и инфицированные как жертвы и угрозы одновременно (7) [10], сообщает медицинскую информацию о болезни и указывает на конкретных природных, технологических или персонифицированных виновников.

Множество поучительных историй об *утешении и искуплении* как эпизоды эпидемического нарратива в конечном итоге «восстанавливают перспективы и авторитет науки в героическом служении угрожаемому Человечеству» [11, с. 257]: «Нарратив о вспышке в научном, журналистском и фикциональном воплощении следует формульному сюжету, который начинается с идентификации новой инфекции, включает обсуждение глобальных сетей, по которым она распространяется, и хронику эпидемиологической работы, которая заканчивается ее сдерживанием. По мере того как эпидемиологи отслеживают пути распространения микробов, они каталогизируют пространства глобальной современности. Микробы, пространства и взаимодействия сливаются воедино, поскольку они оживляют ландшафт и запускают нарратив о вспышке как противоречивой, но убедительной истории о рисках человеческой взаимозависимости и триумфе человеческих связей и сотрудничества, научном авторитете и эволюционных преимуществах микробов, экологическом балансе и надвигающейся катастрофе» [11, с. 2].

Нарратив о вспышке быстро перерастает в апокалипсический *пандемический нарратив* (англ. pandemic narrative [5]), уходящий своими

корнями в художественное отражение эпидемий, в которых вирулентный вирус появляется, мутирует и распространяется так стремительно, что органы здравоохранения не успевают предотвратить глобальное распространение, а власти теряют контроль над развитием событий из-за устаревших знаний, структур и практик, включая информационную политику. Небольшие группы выживших смиряются с болезнью и принимают ее как должное: «Картины смертельных болезней функционирует как культурный товар, как идеи и переживания, циркулирующие в современной потребительской культуре. Рассказы о болезнях – это не только личные отчеты или идеологические маркеры культурных тревог; они также представляют собой потенциально прибыльные формы новостей и развлечений. Газетная сенсация, книга-бестселлер и блокбастер стремятся превратить культурную тревогу в экономическую выгоду» [8, с. 627-628].

Многочисленные пандемические нарративы породили *культуру пандемии* (англ. pandemic culture [5]) как систему, эмоциональных и поведенческих паттернов, которые организуют социальные взаимодействия не столько в условиях *реальной* пандемии, сколько в *тревожном ожидании* вероятной пандемии.

Новые инфекции и пандемические нарративы пополняют ряды *постмодернистских бедствий* (англ. postmodern plagues [3]): «Несмотря на многочисленные медицинские и социальные достижения двадцатого века, **страхи** перед чумой не искоренены наукой, политикой или религиозным пылом, но наоборот породили ‘чуму страхов’, которая усугубляет кризисы, сопутствующие любой реальной биологической угрозе, и разжигает пожары подозрительности и дезинформации в тех контекстах, где такой угрозы нет» [3, с. 4].

Мощный катализатор этой *культуры страха* (англ. culture of fear [3]) – индустрия развлечений (включая новостные медиа), агенты которой эксплуатируют образы реальных и воображаемых бедствий для маркетинга культурных артефактов в катастрофических и постапокалиптических жанрах.

Более этого, эти артефакты не только влияют на дискурс о реальной пандемии, но и снижают порог допустимости возможных социальных практик.

В частности, в популярной видеоигре «Plague Inc.» игрок должен создать *новую инфекцию* и умертвить всё человечество, непрерывно усиливая ее вирулентность и опережая разработчиков антивирусной вакцины. Вероятно, подобная *геймификация* коснется (или уже коснулась?) и COVID-19.

Библиографический список:

1. Atlani-Duault L., Mercier A., Rousseau C., Guyot P., Moatti J-P. Blood libel rebooted: Traditional scapegoats, online-media, and the H1N1 epidemic // Culture, medicine, and psychiatry. 2015. Vol. 39. P. 43-61.
2. Cohen S. Folk devils and moral panics: The creation of the mods and rockers. Oxford: Martin Robertson, 1972.
3. Foertsch J. Enemies within: The Cold War and the AIDS crisis in literature, film, and culture. Urbana: University of Illinois Press, 2001.
4. Furedi F. Culture of fear revisited. London: Continuum, 2006.
5. Gerlach N., Hamilton S. Trafficking in zombie: The CDC zombie apocalypse campaign, diseaseability and pandemic culture // Refractory: A journal of entertainment media. 2014. <http://refractory.unimelb.edu.au/2014/06/26/cdc-zombie-apocalypse-gerlach-hamilton>.
6. Roy M., Moreau N., Rousseau C., Mercier A., Wilson A., Atlani-Duault L. Ebola and localized blame on social media: Analysis of Twitter and Facebook conversations during the 2014-2015 Ebola Epidemic // Culture, medicine and psychiatry. 2020. Vol. 44. P. 56-79.
7. Strong P. Epidemic psychology: A model // Sociology of health and illness. 1990. Vol. 12 (3). P. 249-259.
8. Tomes N. Epidemic entertainments: Disease and popular culture in Early-Twentieth-Century America // American literary history. 2002. Vol. 14 (4). P. 625-652.
9. Vasterman P., Ruigrok N. Pandemic alarm in the Dutch media: Media

coverage of the 2009 influenza A (H1N1) pandemic and the role of expert sources // European journal of communication. 2013. Vol. 28 (4). P. 436-453.

10. Wagner-Egger P., Bangerter A., Gilles I., Green E., Rigaud D., Krings F., Staerklé C., Clémence A. Lay perceptions of collectives at the outbreak of the H1N1 epidemic: Heroes, villains and victims // Public understanding of science. 2011. Vol. 20 (4). P. 461-476.

11. Wald P. Contagious: Cultures, carriers, and the outbreak narrative. Durham: Duke University Press, 2008.

12. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 2. С. 83-95.